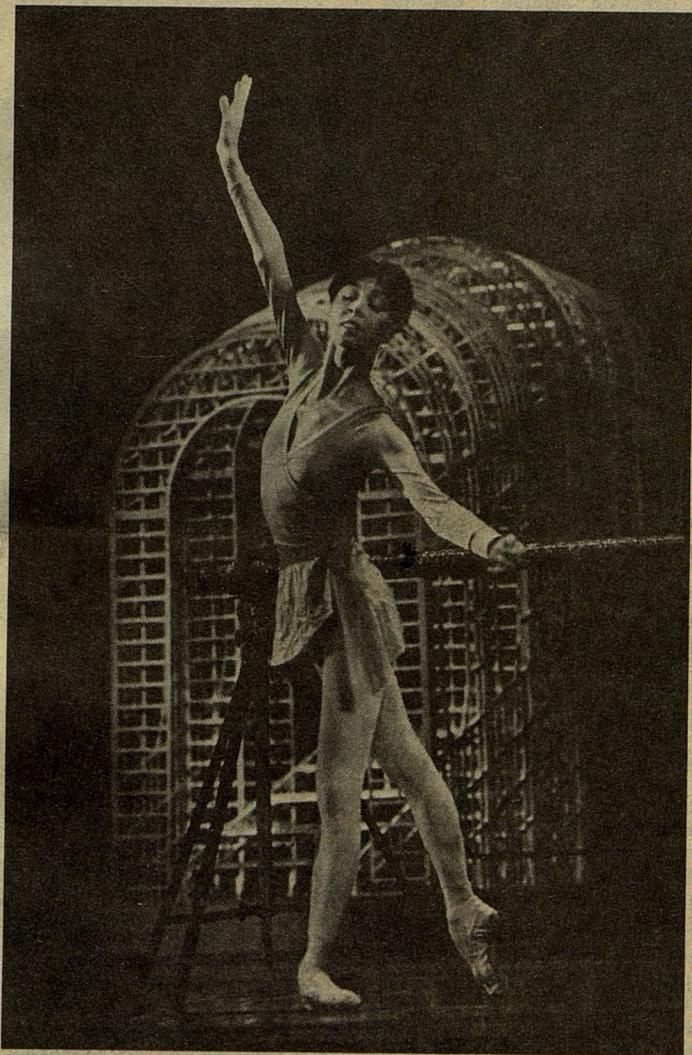


СЮРПРИЗ ДЛЯ ПУБЛИКИ

Культура. — 1995. — Санр. — с. 8.

РОМАН — ГЕРОЙ НЕ МОЕГО БАЛЕТА



Афиша заинтриговывала: популярный режиссер и знаменитая балерина обещали спектакль-импровизацию «Балет — любовь моя». (Организатор — «Постмодерн-Театр»).

Международная «звезда» Любовь Кунакова, в недавнем прошлом солистка Мариинского театра, ожиданий публики не обманула. Прекрасная форма, стабильная техника, чувство стиля и чуткость к музыке, непринужденная игра перевоплощений — балерина блистала всеми гранями своего мастерства и таланта. Тому способствовало и построение вечера.

В первом отделении Кунакова вспомнила почти весь свой репертуар, плавно переходя от одного хореографического фрагмента к другому.

Печальные арабески Жизели сменялись легкими вспархиваниями Сильфиды, шаловливыми пуантовыми переборами «Па-де-катра». Одетта мгновенно превращалась в Одиллию, печаль «Умирающего лебедя» сменяла победную радость Лебедя Черного... Аврора, Китри, Никия, Кармен, Махменз-Бану... (партнерами Кунаковой в тот вечер были Александр Семенчуков, Александр Горбачевич, Сергей Радченко, Станислав Фечо). Менялись партии, оттенки пластической речи, эмоции, чувства, настроения. Балерина словно оживляла консpekt по истории балета — от романтизма до середины XX века. Форма урока подчинила себе всю первую часть представления.

Вот тут-то и понадобился режиссер. Да не кто-нибудь, а сам Роман Виктюк. Он также решил доказать свои способности к перевоплощению, оказываясь то лектором-популяризатором, то чтецом, исполняющим тексты Вадима Гаевского (в «оригинальной» его интерпретации — Дмитрия), то режиссером, подающим балерине бубен и корзину, то балетмейстером, задающим тему для импровизации. О своей основной профессии он начисто забыл. Ничем не организованное действие так называемого спектакля вяло тянулось сквозь монотонную череду словес, разбавленную яркими танцевальными эпизодами. Из всех ролей г-ну Виктюку наиболее удалась роль историка балета. Г-н лектор, сам того не желая, то и дело затмевал бенефициантку, поминутно делая открытия в области балетоведения. Оказывается, «Сильфида» и «Жизель» — балеты, противоположные по стилю, «Жизель» — более романтический, тяготеющий к сюжету, а «Сильфида» — поэтический. Оказывается, Петипа не был признан при жизни и на сто лет забыт после смерти. Потому что его не прельщали сюжеты А. Сухова-Кобылина и А. Островского!

Оказывается, последние гастрольные Бежара и работа Алонсо с Плисецкой над «Кармен» происходили в одно и то же время. Искушенная публика узнала много интересного. А неискушенная наверняка принимала Раймонду за Эсмеальду, а «Легенду о любви» Григорьевича — за «Федру» в постановке то ли Хорхе Донна, то ли Алонсо, то ли самого Виктюка. Хореографические иллюстрации никак не соответствовали предшествующим рассказам.

И лишь во втором отделении полновластно царил танец. Кунакова предстала изысканной Пери, загадочной обольстительницей неопознанного современного номера (издержки программки), ослепила чеканной геометрией па-де-Обера. Прекрасная форма, стабильная техника, чувство стиля и чуткость к музыке... И никакого режиссера!

Е. ГУБАЙДУЛЛИНА.

Фото В. Луповского.